

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

Александр Жолковский
Юрий Щеглов

Детские рассказы Л. Толстого и поэтика выразительности

EX UNGUE LEONEM

Научная библиотека

Александр Жолковский

**Ex ungue leonem. Детские
рассказы Л. Толстого и
поэтика выразительности**

«НЛО»

2016

Жолковский А. К.

Ex ungue leonem. Детские рассказы Л. Толстого и поэтика выразительности / А. К. Жолковский — «НЛО», 2016 — (Научная библиотека)

ISBN 978-5-4448-0480-3

В книге впервые собран представительный корпус работ А.К. Жолковского и покойного Ю.К. Щеглова (1937–2009) по поэтике выразительности (модель «Тема – Приемы выразительности – Текст»), созданных в эпоху «бури и натиска» структурализма и нисколько не потерявших методологической ценности и аналитической увлекательности. В первой части сборника принципы и достижения поэтики выразительности демонстрируются на примере филигранного анализа инвариантной структуры хрестоматийных детских рассказов Л. Толстого («Акула», «Прыжок», «Котенок», «Девочка и грибы» и др.), обнаруживающих знаменательное сходство со «взрослыми» сочинениями писателя. Во втором разделе подробно описаны сами приемы выразительности, их подтипы и взаимоотношения с темами и с другими приемами. Книга рассчитана на заинтересованного читателя, которому она даст не только оригинальный инструмент филологического описания, но и особый взгляд на идейную и художественную структуру литературного текста.

ISBN 978-5-4448-0480-3

© Жолковский А. К., 2016

© НЛО, 2016

Содержание

От составителя	6
«Война и мир» для детского чтения	9
Вводные замечания	10
Список сокращений	12
Глубинная структура	13
I. Тематические инварианты Толстого	13
1. Инвариантная тема Толстого и ее основные аспекты	13
2. Дальнейшая реализация общетолстовских инвариантов	15
II. Архисюжет пяти детских рассказов (ПР)	20
1. Инвариантный архисюжет Толстого	20
2. Архисюжет ПР: общие контуры	22
3. Архисюжет ПР: инвариантные сюжетно-тематические блоки	25
Конец ознакомительного фрагмента.	29

А.К. Жолковский, Ю.К. Щеглов Ex ungue leonem. Детские рассказы Л. Толстого и поэтика выразительности

© А.К. Жолковский, 2016

© Ю.К. Щеглов, наследники, 2016

© ООО «Новое литературное обозрение», 2016

От составителя

Вы с уважением оцупывайте их...

В предлагаемый читателю сборник включены наши с покойным Ю. К. Щегловым (1937–2009) малодоступные исследования сорокалетней давности. Они выходили сначала на родине в виде препринтов (*Жолковский, Щеглов 1971; 1972; 1973; 1974; 1978a*) и коротких публикаций (*Жолковский, Щеглов 1975; 1977a; 1977б; 1978б*), а затем в эмиграции – отчасти по-русски, отчасти по-английски – в составе монографий (*Жолковский, Щеглов 1980a; 1987*) и в виде отдельных статей (*Жолковский, Щеглов 1979a; 1979б; 1981; 1982*). Лишь после перестройки некоторые из них были переизданы в России (*Жолковский, Щеглов 1996; 2012a, 2012б; 2014a, 2015*), но единое представительное издание, подобное англоязычной монографии *Жолковский, Щеглов 1987*, на русском языке по-прежнему отсутствует. Этот пробел и призвана восполнить настоящая книга.

Малодоступны публикуемые работы и еще в одном смысле. Они написаны в подчеркнуто структуралистском стиле своего времени, с определениями, пунктами и подпунктами, условными обозначениями и аббревиатурами, схемами и таблицами, затрудняющими для многих читателей гуманитарного склада их восприятие. Но они не просто написаны на некогда модном наукообразном жаргоне, а принципиально задуманы и выполнены именно в таких терминах и претендуют на приоритет и актуальную ценность именно в таком качестве.

Небольшое лирическое отступление. Недавно в Москве, на презентации моей книжки мемуарных виньеток, по моему приглашению выступил почтенный и очень уважаемый мной коллега. Его речь была, в соответствии с неписанным ритуалом подобных okazji, выдержана в неизбежно хвалебном ключе, но не лишена эффектных риторических выражений. Говоря на языке приемов выразительности, рассматриваемых в настоящей книге, им было применено ОТКАЗНОЕ ДВИЖЕНИЕ.

Он начал с рассказа о том, с каким недоумением реагировал он в своей филологической молодости на перегруженные формулами мои (и Щеглова) работы 1970-х годов (многие из которых и составили настоящий том). Его недоумение возросло еще больше, продолжал он, когда полтора-два десятка лет спустя он стал знакомиться с моими более поздними, вполне осмысленными, на его взгляд, сочинениями. Ему было непонятно, как человек, способный написать нечто литературоведчески приемлемое (то есть я. – А. Ж.), мог годами заниматься столь скучной и бесплодной структуралистской абракадаброй! Развивая далее свой комплиментарный нарратив, коллега перешел к похвалам (ради чего, собственно, и принял участие в церемонии) моей совершенно уже человеческой мемуарной прозе.

Не имея в виду показаться неблагодарным, позволю себе вступить за наши давнишние работы – за это, так сказать, старое, но грозное оружие.

Они и в свое время были непопулярны даже в структуралистской среде, считались чересчур формализованными, упрощенческими, не уделяющими достаточного внимания смысловому плану художественного текста. Однако подлинной формализации им скорее не хватало, чрезмерным упрощением они не грешили – просто стремились к четкому разделению уровней анализа, а уж проблемой и техникой выражения смыслов (= тем) занимались самым непосредственным образом.

Отталкивала в них именно принципиальная установка на молекулярный подход к самой материи искусства, попытка сформулировать ее элементарные единицы и уравнения, рассмотреть ее простейшие формы, позволяющие выявить секрет зарождения художественности из не-художественности (= простой декларативности). Эти опыты были, бесспорно, далеки от взыскуемого научного совершенства, во многом топорны и, к сожалению, так и

не были доведены до конца – ввиду как их неприятия окружающей средой, так и последующей эмиграции, приведшей к попаданию соавторов модели в иной, сугубо гуманитарный преподавательский контекст и к тому же пришедшейся на период смены структуралистской парадигмы постструктуралистской.

В изложении своих более поздних – «по-человечески приемлемых» – работ соавторы перестали выпячивать теоретическую арматуру своих исследований, убрали ее в подмалёвок, спрятали в подтекст, закатали в фундамент, но не переставали тайно пользоваться этой таблицей умножения для получения неплохих, как выясняется, результатов. Но длить это сокрытие не кажется мне уместным. Дело в том, что интеллектуальные моды приходят и уходят, а фундаментальные задачи литературоведения остаются, и можно ожидать возвращения интереса к структуралистским идеям и методам, в том числе к разработанным соавторами и излагаемым в настоящей книге.

План ее следующий. Она состоит из двух связанных, но самостоятельных частей: одной – излагающей (на отдельных примерах) теорию и технику анализа художественного текста, другой – практической, посвященной применению этой теории и техники к целостному описанию конкретных текстов – детских рассказов Толстого. Логический порядок следования частей вроде бы напрашивается: сначала теория, потом практика. Но я решил, что с читательской точки зрения предпочтительнее обратный: сначала разбор интересных текстов и лишь потом – для тех, кому разбор покажется заслуживающим внимания, – секреты его успеха.

Следует сказать, что обе части самодостаточны и могут полноценно восприниматься по отдельности и в любом порядке. В практическом разделе хватает теории, а в теоретическом – примеров ее применения. Кроме того, теоретическая модель осталась не вполне завершённой, так что тем более оправдано помещение ее в конец книги.

Первую часть составило описание в терминах модели «Тема – Приемы выразительности – Текст», или поэтики выразительности, группы сходных детских рассказов Толстого. В этой работе мы попытались с максимальной полнотой и детальностью осуществить проект, заявленный еще в ранней – программной, провокативной и навлекшей много нареканий – статье о задачах порождающей поэтики:

Для предлагаемого типа описаний особенно подходящим материалом представляются группы однотипных по форме и содержанию произведений (пьесы одного автора <...>, сборники рассказов, басен, сказок и т. п.). Можно ожидать, что функции, формулируемые для отдельного произведения, исходя из его темы (то есть функции Эйзенштейна <...>), ввиду идентичности содержания этих произведений окажутся инвариантными для всей группы, то есть совпадут с функциями в смысле Проппа. Тогда следует ожидать появления литературоведческих работ, в которых «грамматика» инвариантных функций будет иметь объясняющую силу для идейной стороны (Пропп, «помноженный» на Эйзенштейна).

(цит. по: Жолковский, Щеглов 2012а: 28–29)

Работа писалась в середине 1970-х годов и была опубликована по-русски в виде препринтов (Жолковский, Щеглов 1978а), а в дальнейшем на Западе по-английски – в книге Жолковский, Щеглов 1987. По замыслу и исполнению (от формулировки инвариантных тем – к филигранному описанию мельчайших деталей структуры), да и по времени создания она принадлежит к тому же кругу исследований, что и работы А. Ж. Греймаса, «S/Z» Ролана Барта (1970) и «Logique du récit» Клода Бремона (1973), которые авторам тогда не были известны. В настоящем издании она перепечатывается с минимальными переделками, про-

диктованными желанием по возможности упростить и унифицировать изложение и избежать повторов в составе книги в целом.

Вторую часть образуют главы, посвященные отдельным приемам выразительности, их определениям, подтипам, взаимоотношениям с темами и с другими приемами. Три приема (ВАРЬИРОВАНИЕ, ПРЕДВЕСТИЕ, ОТКАЗ) рассматриваются особенно подробно, поскольку в свое время были описаны в специальных статьях (*Жолковский, Щеглов 1977б [= 2012б]; 1980б; 1981*), другие (КОНКРЕТИЗАЦИЯ, УВЕЛИЧЕНИЕ, ПОВТОРЕНИЕ, КОНТРАСТ, ПОДАЧА, ПРЕПОДНЕСЕНИЕ) – в виде извлечений из препринтов (*Жолковский, Щеглов 1972; 1973; 1974*), сделанных для данной публикации. Три приема (СОГЛАСОВАНИЕ, СОВМЕЩЕНИЕ, СОКРАЩЕНИЕ) оставались и остаются не получившими монографического описания, хотя многие их свойства выявляются в ходе рассмотрения других приемов, а также текстов Толстого.

Книга рассчитана на серьезного, а главное, заинтересованного читателя, но ознакомление с ней не представляет особой трудности и обещает вознаградить усилия по овладению сконцентрированным в ней опытом литературоведческого поиска.

*А. К. Жолковский
Санта-Моника, сентябрь 2015 г.*

«Война и мир» для детского чтения

Инвариантная структура детских рассказов Л. Н. Толстого

Вводные замечания

Для оригинального художника характерно постоянство творческого облика. Одни и те же излюбленные идеи, положения и образы проходят, варьируясь, через различные его произведения – ранние и поздние, лирические и драматические, серьезные и развлекательные, большие и малые. Тем более это естественно, когда разнотипные произведения относятся к одной и той же полосе творчества.

Детские рассказы, о которых пойдет речь, были написаны вскоре после «Войны и мира» (*ВМ*). В этот период художественного затишья Л. Н. Толстой сознательно отталкивался от литературности и ориентировался в идейном плане на задачи морального и практического воспитания, а в эстетическом – на фольклорную простоту. На пересечении этих установок и возникли дидактические рассказы для крестьянских детей. Тем не менее автор *ВМ* (называвший тогда свою эпопею «дребеденью многословной») безошибочно узнается в этих рассказах. Несмотря на радикальную перемену творческих целей и аудитории, он вольно или невольно продолжает проповедовать те же истины о жизни. И хотя Толстому действительно удалось достичь художественной общедоступности и простоты народной речи, его детские рассказы далеки от примитивизма и стереотипности фольклора. Наоборот, в них, как и в пушкинской прозе (а даже она не избежала в те годы критики Толстого¹), за кажущейся безыскусностью скрывается утонченная литературная техника².

Задача настоящей работы, выявив тематические инварианты представительной группы детских рассказов Толстого, показать их глубинную близость (с поправками на «адаптацию для детей») к тематическим инвариантам больших вещей Толстого (прежде всего – *ВМ*) и продемонстрировать богатство художественных средств, применяемых в этих рассказах для разработки их темы. Говоря коротко, – описать Льва по его когтям.

Предметом рассмотрения будут рассказы из «Новой азбуки» и «Русских книг для чтения» (1872–1875; все тексты цитируются по изданию: *Толстой 1928–1964*: XXI; см. также раздел «Приложение»). В центре внимания находятся пять рассказов (*ПР*): «Котенок» (*К*), «Девочка и грибы» (*ДГ*), «Акула» (*А*), «Два товарища» (*ДТ*), «Прыжок» (*П*), составляющие особо тесную группу. Их строение описывается с максимальной подробностью. К ним в целом ряде отношений примыкает еще ряд рассказов: «Как мальчик рассказывал про то, как его в лесу застала гроза» (*КМР*), «Бешеная собака» (*БС*), «Что случилось с Булькой в Пятигорске» (*ЧСБ*) и повесть «Кавказский пленник» (*КП*), которые также служат объектом рассмотрения. По мере надобности привлекается и материал других детских рассказов, таких как «Птичка», «Корова», «Пожарные собаки», «Слон», «Орел», «Лев и собачка», «Ровное наследство», «Воробей и ласточки», «Ермак», «Царь и рубашка», «Камыш и маслина».

В качестве аппарата описания применяются понятия поэтики выразительности – модели «Тема – Приемы выразительности – Текст»³. Ее суть в том, что структура художественного текста описывается в виде его воображаемого *вывода* из специально постулируемого конструкта – его «невыразительной» *темы*. Вывод формулируется в терминах стандартных операций – *приемов выразительности* (*ПВ*), отвечающих за постепенное преобразование «голой» темы в полноценный художественный текст. Модель позволяет выводить из темы не только отдельный текст, но и группу сходных (по теме и по структуре)

¹ «Противен этот наш теперешний язык и приемы <...> даже Пушкин мне смешон, не говоря уже о наших элукубрациях» (цит. по: *Эйхенбаум 1974*: 71).

² Как свидетельство единого подхода Толстого к его детским и взрослым вещам характерны слова, сказанные им о «Кавказском пленнике» в письме к Н. Н. Страхову: «Это образец тех приемов и языка, которым я пишу и буду писать для больших» (*Там же*: 72).

³ Подробнее о ней см. второй раздел настоящей книги (С. 119–120).

текстов (в частности, – одного автора). В таком *инвариантном выводе* обнаруживаются структурные *кластеры*, общие для всей группы текстов. Система *инвариантных тем* одного автора и реализующих их *инвариантных кластеров* называется его *поэтическим миром* (ПМ).

Хотя в принципе описание мыслится как вывод, нижеследующее изложение – не вывод в строгом смысле слова, а лишь его контур, представленный основными этапами на пути от темы к реальным текстам.

План изложения следующий.

Сначала рассматривается то, что мы называем *инвариантной темой Л. Н. Толстого* ($\Theta^{\text{Толст}}_{\text{инв}}$), – одна из центральных тем его ПМ. К ней в качестве *локальной темы* корпуса пяти рассказов присоединяется тематический комплекс, характерный именно для них ($\Theta^{\text{ПР}}_{\text{к/лок}}$). Так образуется *инвариантная тема ПР* ($\Theta^{\text{ПР}}_{\text{инв}}$, или просто $\Theta^{\text{ПР}}$). Помимо этой общей темы, каждый отдельный рассказ может иметь и свою собственную, индивидуальную, локальную тему; однако индивидуальные темы, как и индивидуальные выразительные особенности рассказов, специально рассмотрению не подвергаются и трактуются просто как частные реализации инвариантной тематической структуры ПР.

Далее описываются инвариантные конструкции реализующих инвариантную тему ПР. По характеру материала они делятся на *событийные*, *пространственные* и *актантные*, а по уровню абстрактности на *глубинные* и *поверхностные*. Глубинные наиболее тесно связаны с уровнем темы ($\Theta^{\text{ПР}}$) и образуют *глубинную структуру*, или *архиструктуру ПР*, событийный компонент которой называется *архисюжетом* (АС). Поверхностные конструкции связаны с темой ПР лишь опосредствованно, это *технические решения* (ТР), обслуживающие архиструктуру (в частности, ее событийный архисюжет). Этот план изложения схематически показан в *Табл. 1*.

Компоненты \ Уровни	Событийный	Пространственный	Актантный	Точки зрения
Тема	Мотивы (1)–(4)			
Мотивы	Мотивы (5)–(15)			
Сюжеты	АС ₁ (18)	—	—	
Глубинная структура (архиструктура) ПР	$\Theta^{\text{ПР}}_{\text{к/лок}}$ (19) АС ₂ (22)	Ядро специальной архиструктуры (30)	Система архиперсонажей	
	Блоки АС ₃ (29)	Специальная архиструктура (31)	Модификации системы архиперсонажей	
Поверхностная структура ПР	11 технических решений (ТР)	Поверхностные перемещения от начала до кульминации рассказа	Поверхностные персонажи	
Индивидуальные рассказы				

Табл. 1

Список сокращений

Произведения Толстого

А – «Акула»

БС – «Бешеная собака»

ВМ – «Война и мир»

ДГ – «Девочка и грибы»

ДТ – «Два товарища»

К – «Котенок»

КМР – «Как мальчик рассказывал про то, как его в лесу застала гроза»

КП – «Кавказский пленник»

П – «Прыжок»

ПР – пять рассказов (*А*, *ДГ*, *ДТ*, *К*, *П*)

ЧСБ – «Что случилось с Булькой в Пятигорске»

Понятия модели «Тема – Текст»

АС – архисюжет (событийный компонент архиструктуры)

ВАР, *ВАР*_{контр} – *ВАРЬИРОВАНИЕ*, контрастное *ВАРЬИРОВАНИЕ*

ВН-ПОВ – *ВНЕЗАПНЫЙ ПОВОРОТ*

КОНКР, *КОНКР*_{парт} – *КОНКРЕТИЗАЦИЯ*, частичная *КОНКРЕТИЗАЦИЯ*

КОНТР, *КОНТР*_{тожд} – *КОНТРАСТ*, *КОНТРАСТ* с тождеством

НАР – *НАРАСТАНИЕ*

ОТК, *ОТК-ДВ* – *ОТКАЗ*, *ОТКАЗНОЕ ДВИЖЕНИЕ*

ПВ – прием(ы) выразительности

ПМ – поэтический мир

ПОВТ – *ПОВТОРЕНИЕ*

ПОД – *ПОДАЧА*

ПРЕДВ – *ПРЕДВЕСТИЕ*

ПРЕП – *ПРЕПОДНЕСЕНИЕ*

СОВМ, *СОВМ*_{вид}, *СОВМ*_{кауз}, *СОВМ*_{контр} – *СОВМЕЩЕНИЕ*, *СОВМЕЩЕНИЕ*

типа видимость/действительность, *СОВМЕЩЕНИЕ* в причинно-следственную конструкцию, *СОВМЕЩЕНИЕ* противоположностей

СОГЛ – *СОГЛАСОВАНИЕ*

СОКР – *СОКРАЩЕНИЕ*

ТР – Технические решения

УВЕЛ – *УВЕЛИЧЕНИЕ*

Θ , Θ _{инв}, Θ _{лок} – тема, инвариантная тема, локальная тема

$\Theta^{\text{Толст}}$ _{инв} – инвариантная *тема* (всех) произведений Л. Н. Толстого

$\Theta^{\text{ПР}}$ _{инв} (= $\Theta^{\text{ПР}}$) – инвариантная тема пяти рассказов

$\Theta^{\text{ПР}}$ _{к/инв} – инвариантный компонент $\Theta^{\text{ПР}}$ (= $\Theta^{\text{Толст}}$ _{инв})

$\Theta^{\text{ПР}}$ _{к/лок} – локальный компонент $\Theta^{\text{ПР}}$

Глубинная структура

I. Тематические инварианты Толстого

1. Инвариантная тема Толстого и ее основные аспекты

Не претендуя на особую новизну, можно утверждать, что одной из центральных тем поэтического мира Толстого является

(1) приятие жизни, ощущение мощи природы, иррационализм, ориентация на глубинное и основное:

- глубинные законы жизни неоднозначны, не полностью детерминированы и открыты человеку;
- ход событий непредсказуем;
- жизнь (природа) с ее спонтанностью, естественностью, простотой, почвенностью, нешуточностью, мощью, как и все то, что ей созвучно, все, что идет от Бога, – благодетельна;
- напротив, все, что отступает от этих принципов, все рассудочное, ненатуральное, поверхностное, формально-условное, игрушечное, лишенное природной силы, придуманное человеком, а не данное Богом, – неистинно и вредно.

Не уточняя логических отношений между компонентами темы (1), выделим и разовьем некоторые из них – те, которые будут использоваться в дальнейшем изложении (т. е. фактически произведем первичную КОНКРЕТИЗАЦИЮ отдельных ее частей).

(2) ход событий («как бывает в жизни»):

(а) типичными и подлинными являются: непредвиденность переходов от плохого к хорошему, чреватость плохого хорошим и наоборот, а не гладкий, логичный ход событий;

(б) типична и подлинна насыщенность жизни мощными силами, ее нешуточность, неподлинна – отключенность от источников мировой силы, игрушечность, тепличность, бесплодность;

(3) ценности: простые, естественные, основные, божеские, духовные – подлинны, а искусственные, надуманные, условные, имущественные – ложны;

(4) стратегия поведения: соответствие законам жизни:

(а) познание: постичь истину можно интуицией, а не рассуждением;

(б) действия:

(б') поступать следует глубинно, радикально, на уровне законов природы и в соприкосновении с ними, открывая и в себе глубинные ресурсы природных сил; бесполезно действовать поверхностно, паллиативно, отчужденно от сил природы – как в окружающем мире, так и в самом себе;

(б'') следует гибко сообразовываться с переменчивостью, непредсказуемостью событий, а не держаться жестких, однажды принятых, условных правил⁴;

⁴ Этот принцип Толстой считал особенно существенным применительно к педагогике; ср. порицание им «сухого

(б^{'''}) успешными часто оказываются действия методами самой природы, воспроизводящие что-либо из ее репертуара;

(в) следует действовать спонтанно, интуитивно, полагаясь на благотворность естественного хода событий, а не держаться за наличные позиции и имущество и рассчитывать на возможность полного вычисления всех факторов.

В проповедуемой Толстым стратегии поведения существенное место занимает следующий принцип:

(5) правильно и ведет к успеху поведение, которое с точки зрения общепринятых норм, правил, рассудка неразумно; и, наоборот, бесперспективно поведение, основанное на общепринятых нормах, логике.

В (5) заострен ряд контрастных отношений, заложенных в (4б, в): 'интуиция / рассуждение', 'непредсказуемость / жесткие правила', 'доверие к событиям / рассудочное их вычисление', 'глубинное / поверхностное, кажущееся' и др. Применен распространенный метод подчеркивания – КОНТРАСТ типа видимость / действительность. Это и дает парадокс 'правильного, кажущегося неправильным', и наоборот. К применению КОНТРвид предрасполагают некоторые элементы из (4) и (2): 'отталкивание от принятого', т. е. того, что «всем кажется», – авторитета логики, правил, норм и 'убежденность в парадоксальной непредвиденности хода событий'.

Наряду с (5) рассмотрим еще один аспект развертывания формулы (4). Ее компонент (4в) 'полагаясь на благотворность естественного хода событий', понятый прямолинейно и изолированно, допускает толкование, неправомерно акцентирующее элемент пассивности в идеологии Толстого (в частности, в трактовке образа Кутузова). Однако, как показано А. П. Скафтымовым (*Скафтымов 1972: 182–218*), герои Толстого, реализующие тематический комплекс (4), в том числе и Кутузов, могут вести себя и вполне активно. Можно сказать, что происходит контрастное ВАРЬИРОВАНИЕ формулы (4) по признаку активность / пассивность⁵. В результате сформулированное в (4б', в) 'правильное' поведение (с учетом заострения, произведенного в (5)) принимает вид:

(б) правильный способ действий бывает как активным, так и пассивным, т. е. целесообразно как

(а) противоборство глубинным законам и силам: поступать следует активно, глубинно, радикально... гибко... методами природы... неразумно, полагаясь на естественный ход событий... открывая в себе... так и

(б) подчинение глубинным законам и силам: поступать следует пассивно, но тоже глубинно... полагаясь...

Можно видеть, что каждая из двух частей формулы (б) развертывает (4б', в) в целом, разрешая диссонанс, существующий между (4б') 'радикально' и (4в) 'полагаться на'. Однако делают они это по-разному. В 'противоборстве' акцентируется радикальность, которая при этом СОГЛАСУЕТСЯ с доверием к ходу событий: (ба) 'решительные действия' предпринимаются в надежде на везение. В 'подчинении' акцент падает на доверие, которое, в свою очередь, не сводится к простому бездействию, а СОГЛАСУЕТСЯ с радикальностью. В ситуации (бб)

педанта, который учил и воспитывал детей по раз определенным и неизменным правилам» (*Гусев 1957: 429*).

⁵ Возможно, что применение ПВ ВАРконтр является в данном случае КОНКР элемента 'гибкость' из (4б''): стратегия поведения ('активность' или 'пассивность?') не может быть задана раз и навсегда ввиду 'переменчивости жизни'.

пассивная позиция занимается в непосредственном взаимодействии с глубинными силами, сопряжена со смелым решением и риском.

С этим связано характерное различие между (6а) и (6б).

Оригинальность ситуации (6б) – в ее неожиданности с точки зрения привычных представлений и литературных канонов изображения действующего героя (решительность выражается в пассивности); в то же время в рамках ПМ Толстого, в частности в свете принципа (4в), стратегия пассивного подчинения (6б) кажется наиболее близко лежащим и естественным вариантом поведения.

Напротив, осмысление (6а) требует больших усилий в рамках толстовской идеологии (доверие к провидению выражается в рискованных поступках), но является более легким и естественным с привычной точки зрения. Заметим, что сама противоположность между толстовским и «нормальным» мироощущением вытекает из формулы (5).

В (6) речь шла о правильных способах поведения. Остановимся теперь на одном характерном для ПМ Толстого типе неправильного поведения:

(7) бесперспективны попытки рассудочного противодействия событиям и управления ими с помощью поверхностных, паллиативных средств, неадекватными силами и по условным, заранее данным правилам.

Формула (7) – своего рода противовес к (6а), поскольку в ней представлен неправильный вариант того же действия – сопротивления жизни и природе. Будучи тождественными по этому параметру, (6а) и (7) контрастируют по целому ряду компонентов формулы (4): поскольку в (7) противодействию придан почти весь набор неправильностей. Таким образом, (7) оттеняет (6) по КОНТРАСТУ, усиленному, в свою очередь, тождеством (КОНТРОТЖД).

Можно представить себе и неправильную альтернативу к (6б) – некую дурную пассивность (ср. ниже, в п. II.3.2 и V.8, о блоке 'Неадекватная Деятельность' и о ТР Уклонение).

2. Дальнейшая реализация общетолстовских инвариантов

Даже беглый взгляд на образы, сюжеты и авторские высказывания Толстого убеждает, что темы (2) – (7) занимают важное место в его ПМ. Проиллюстрируем их, имея в виду, что чистые примеры подобрать трудно – ведь это абстракции, представленные в реальных текстах не изолированно, а в сложном переплетении друг с другом.

Начнем с (2а). Многие сюжеты Толстого являют собой опровержение гладкого и логичного хода событий и демонстрируют его непредвиденность.

В линии исторических персонажей *ВМ* красноречив эпизод с Наполеоном (III, 3, XIX), который ожидает, что сдача Москвы произойдет по заранее известному сценарию (депутация с ключами и т. д.); вместо этого ему достается город, оставленный жителями и охваченный пожаром.

В судьбе частных лиц примером (2а) могут служить отношения Наташи и князя Андрея, которые идут не по намеченному матримониальному плану, а развиваются зигзагообразно, благодаря неожиданному вмешательству сил судьбы (история с Анатолом, встреча при отходе из Москвы).

Гладко течет лишь жизнь тех персонажей, которые воплощают неподлинное, неживое начало и полностью отключены от источников

мировой силы; такова семья Бергов, благополучие которой, раз и навсегда рассчитанное, не в состоянии поколебать даже драма 1812 года.

Переломы в судьбе народа и отдельных лиц часто вызываются и сопровождаются извержением могучих жизненных сил, перед которыми отступает все неподлинное (2б).

Примеры: в масштабе всей эпопеи – переход к народной войне, в рамках отдельного эпизода – пожар Москвы, стихийность и неотвратимость которого специально подчеркивается.

Тема (3) ‘утверждение истинных и отбрасывание ложных ценностей’ воплощена, в частности,

в характерном для Толстого типе сюжета (путь познания); в делении персонажей на носителей искусственного (Наполеон, отец и сын Болконские, Каренин, герои «Плодов просвещения» и т. п.) и естественного начал (Наташа и почти все остальные Ростовы, Каратаев и другие представители народной почвы); в многочисленных резонерских пассажах.

Разумеется, сказанное – лишь огрубленная схема. Во-первых, толстовские персонажи несводимы к одной черте и обладают указанными свойствами в разных комбинациях, для них характерна эволюция от одного полюса к другому (таков, например, путь познания у князя Андрея). Во-вторых, сами ценности, как естественные, так и искусственные, представлены широкой гаммой вариаций, определяемых социальными, историческими и возрастными характеристиками.

Так, существенно различны искусственные ценности князя Андрея (честолюбие, служение общественному благу), Каренина (бюрократические фикции) и мужика Пахома из рассказа «Много ли человеку земли нужно» (богатство).

Из типичных для Толстого ценностей нам в дальнейшем часто придется иметь дело с (8) – (10).

(8) истинны и ценны – сама жизнь и ее наиболее элементарные, минимальные проявления: здоровье, труд, отдых, насыщение, общение, любовь.

Хрестоматийная формулировка этих ценностей содержится в

размышлениях Пьера, пережившего тяготы плена, об «удовлетворении потребностей как совершенном счастье» (*ВМ*, IV, 2, XII); и

сюжете *КП*, акцентирующем простые, первобытные, натуральные отношения и чувства, лишенные болезненности или утонченности; все действие *КП* построено на «элементарной борьбе за жизнь» (*Эйхенбаум 1974: 73*)⁶.

Одним из выразительных заострений мотива (3) является тезис:

⁶ Отметим, что в *КП* отстаиваются не только подлинные ценности, но и правильная стратегия поведения, в частности радикальность, открытие в себе природных сил, в противоположность паллиативности, отчужденности от сил природы, условности, искусственности. Эта система оппозиций воплощена в противопоставлении двух героев, Жилина и Костылина, начиная с их фамилий: «жила» ассоциируется с ‘жизнью’, ее основным вместилищем – кровеносной системой, с энергией, напряжением сил, выносливостью, «двужилностью»; «костыль» – с ‘атрофированностью, искусственностью, паллиативностью’. Внутренняя форма этих имен вводится в поле внимания читателя с помощью некоторых приемов, типичных для поэтической речи (рифмовка, а также частое соположение слов «Жилин» и «Костылин» в тексте, – ср. «тесноту поэтического ряда», приводящую, по Тынянову, к выделению семантических признаков слов). Одновременно рифма как фонетическое СОГЛ двух фамилий служит их организации в конструкцию КОНТРтожд, заостряющую их содержательное противопоставление.

- (9) истинное счастье – в бедности и опрошении. Ср.
- исповедующего эту ценность Каратаева (*ВМ*);
 - примеры сознательного отказа от богатства ради души («Отец Сергей», «Посмертные записки старца Федора Кузьмича»);
 - детский рассказ «Царь и рубашка» (у единственного счастливого человека нет рубашки) и притчу о богаче и портном (портной отказывается от богатства, чтобы иметь возможность петь песни).

Что касается ценностей, отвергаемых Толстым, то, в частности,

- (10) ложными ценностями являются символические объекты: слово, а также искусство, этикет, всевозможные ритуалы.

Многоликая галерея толстовских краснобаев хорошо известна. Противопоставление ‘велеречивость фальши / немногословие естественности’ проникает в минимальные клеточки ПМ Толстого, такие как

басня «Камыш и маслина»: «Маслина посмеялась над камышом за то, что он от всякого ветра гнется. Камыш молчал», причем носителем положительного идеала оказывается именно камыш.

Саркастическое обнажение условной (и потому ложной) природы искусства и ритуала представлено, например, такими сходными эпизодами, как

- опера глазами Наташи Ростовской (*ВМ*, II, 5, IX) и
- богослужение глазами Катюши Масловой («Воскресение», 1, XXXIX).

Перейдем к иллюстрированию многочленной формулы (4). Проповедь (4а) ‘интуитивного, а не рассудочного способа познания’ пронизывает произведения Толстого. Так:

Пьер познает Бога «не словами, не рассуждениями, но непосредственным чувством» (*ВМ*, IV, 4, XII);

одобряемая Толстым барыня покидает Москву, руководствуясь «смутным сознанием того, что она Бонапарту не слуга» (*ВМ*, III, 3, V);

Барклаю ставится в упрек рассудочность: «Он не годится теперь именно потому, что он все обдумывает очень основательно и аккуратно» (*ВМ*, III, 2, XXV).

Примеров ‘радикальных действий’ (4б') много в поведении Пьера:

одержимый гневом, он внезапно ощущает в себе силы, позволяющие ему непосредственно воздействовать на поведение Анатоля и разрушить его планы (II, 5, XX);

в аналогичном состоянии он вытаскивает ребенка из огня и отгоняет француза, грабящего женщину (III, 3, XXXIII–XXXIV).

Мотив (4б'') ‘отход от рутинных правил, гибкое сообразывание с событиями’ проявляется, в частности, в

противопоставлении традиционных, условных, книжных способов ведения войн (немецкими генералами с их *die erste Kolonne marschiert*, французами и «высшими по положению русскими», смотрящими на войну как на искусство фехтования) – народной войне, ведущейся против всех правил с помощью «первой попавшейся дубины» (*ВМ*, IV, 3, I).

Фактически тот же мотив —

в детском рассказе «Ровное наследство», где опровергается общепринятый способ передачи богатства сыновьям – наследование: лишенный наследства младший сын вынужден учиться «мастерствам и наукам» и богатеет, а старший получает наследство, ничего не умеет и разоряется.

Заметим, что оба примера, иллюстрирующие мотив (4б"), дают его в заостренном виде – как в формуле (5) 'правильно именно неразумное'.

Примеры действий 'методами природы' (4б''') —

уничтожение французов «казаками и мужиками, побивавшими этих людей так же бессознательно, как бессознательно собаки загрызают забегающую бешеную собаку» (IV, 3, III), и

развернутое сравнение отступающей французской армии со снежным комом, который не может быть ни остановлен, ни растоплен раньше, чем это позволяют законы физики («чем больше тепла, тем более крепнет остающийся снег» – IV, 2, XIX).

Принцип (4в) 'полагаться на естественный ход событий' представлен

многочисленными мотивами и сентенциями типа «Бог даст», «перемелется – мука будет», «двум смертям не бывать, одной не миновать», которые присутствуют в ситуациях как активного, так и пассивного поведения персонажей; типичный пример – в рассказе «Ермак», где Иван Кольцо говорит: «По мне – выйти на берег, да и валить прямо лавой на татар – что Бог даст».

Принцип 'Бог даст' иногда принимает заостренную форму доверия к провидению несмотря ни на что, когда человек добровольно отказывается от всех наличных преимуществ и ресурсов как призрачных, человеческих, а не божеских и верит в счастливый исход, полагаясь на божественный промысел. Здесь материализуется представление, что человек, как бы богат он ни был, наг перед Господом и его единственная надежда – на Бога (ср. историю Иова). Такова логика, стоящая за мотивом

(11) спасение через спуск до нуля, т. е. через отказ от наличных позиций, средств, благополучия и безопасности и доверие к провидению.

Типичная КОНКРЕТИЗАЦИЯ этого мотива —

(12) спасение через бедность.

Из сравнения (12) с (9) видно, что бедность проповедуется Толстым и в качестве 'истинной ценности' (9), и в качестве 'правильного способа действий' (12).

Примером (12) может служить уже излагавшийся сюжет рассказа «Ровное наследство», где путь к благосостоянию пролегает через лишение наследства.

Другая типичная группа КОНКРЕТИЗАЦИЙ мотива (11) —

всевозможные формы отказа от благ или позиций, например оставление Москвы и отказ Ростовых от имущества ради транспортировки раненых.

Иногда КОНКР спуска до нуля проецирует его в пластический план, давая мотив

(13) низ, нижнее положение, простертость (примеры см. в п. II.3.1 'Спасительная Акция').

Наглядный образ 'низа' является эмблематическим воплощением идеи (11).

В заключение серии иллюстраций к формуле (4) отметим, что 'слово' отвергается Толстым не только как ценность (см. (10)), но и как способ действия (подобно тому, как 'бедность' утверждается в обоих этих качествах). Манифестацией этого является СОВМ 'поверхностного' из (4б') и 'условного' из (4б'') в (14):

(14) бесполезность действий посредством слова, вербальных формул, ритуалов.

Типичный пример бесплодной словесной деятельности —

попытки как Растопчина, так и Наполеона повлиять на действия жителей Москвы путем прокламаций, составленных согласно специфическим для каждого из них жанровым канонам; по контрасту с масштабами и стихийной неуправляемостью происходящих событий они выглядят особенно комично.

Перейдем к формуле (6). Как уже говорилось, действия в духе законов жизни, предписываемые формулой (4), не означают обязательной пассивности.

Так, активными и в то же время сообразующимися с духом событий (= реализующими 'противоборство' (6а)) являются действия партизан, дерзко нападающих на французов. Ряд примеров активного поведения приводился выше, когда речь шла о 'радикальных' и 'интуитивных' поступках Пьера.

Еще более многочисленны примеры 'пассивного подчинения' событиям (6б).

Так действует Кутузов, решая оставить Москву и отказываясь заграждать дорогу отступающим французам.

Ср. «Камыш и маслина»: «...Пришла буря: камыш шатался, мотался, до земли сгибался – уцелел. Маслина напружилась сучьями против ветра – и сломилась».

Комментируя формулу (6), мы говорили, что каждая из ее двух частей – (6а) и (6б) – по своему сочетает радикальность действия и доверие к ходу событий. Часты и СОВМ обеих установок, ср.

(15) вынужденное решение активно противоборствовать, принимаемое в порядке пассивного подчинения необходимости.

Так, в *КП* Жилин решается на рискованное бегство, так как, будучи беден, не имеет другого выхода (в отличие от Костылина, который может рассчитывать на выкуп).

В рассказе «Ермак» заглавный герой принимает неравный бой, поскольку любой другой выбор заведомо губителен («перебьют»).

В совсем простом рассказе «Орел» птенцы вынуждают орла вторично отправиться в тяжелый полет за рыбой⁷.

Тщетность 'попыток рассудочного противодействия событиям и поверхностного управления ими' (7) представлена прежде всего

образом Наполеона (в *ВМ*), которым Толстой развенчивает миф о способности отдельного лица руководить ходом истории. Наполеон сравнивается с ребенком, воображающим, что, дергая за тесемочки, он

⁷ У Толстого представлен и такой случай, когда пассивное подчинение ходу событий распространяется не только на способ действий, но и на способ принятия решения, ср. вынужденное решение об оставлении Москвы, принимаемое Кутузовым в Филях ввиду физической невозможности защитить ее (*ВМ*, III, 4, III).

управляет движением кареты (IV, 2, X), чем акцентируются 'отключенность от реальности, игрушечность'.

Вообще, изображая разного рода военачальников, Толстой подчеркивает невозможность целенаправленно руководить военными действиями и фиктивность той истории, где события изображаются как осуществление предначертаний государственных мужей. Часто попытки 'волевого управления событиями' (7) принимают форму 'слов' (14), благодаря чему к ним подключаются и другие отрицательные элементы, входящие в мотив 'словесного действия'. Ср.

афишки Растопчина, прокламации Наполеона, диспозиции немецких генералов, бюрократические предписания, издаваемые Карениным в административной и личной сфере, и иные попытки приказывать живой жизни с помощью словесных формул.

В заключение примеров, иллюстрирующих формулы (2) – (7) по отдельности, укажем на случай СОВМ ряда элементов из (4) и (7) – поведение врачей в «Смерти Ивана Ильича» (гл. 4, 8):

доктора пытаются постичь суть болезни путем смехотворно усложненных систем силлогизмов (4а);

они держатся за этикет, считая неуместным интерес больного к главному вопросу – выживет ли он, и лечат его традиционными паллиативами (4б', б");

они претендуют на управление ходом болезни, обращаясь с неведомым им нешуточным объектом – человеческим организмом – как с расшалившимся ребенком, которому достаточно словесного увещевания: «выступил вопрос о почке и слепой кишке, которые что-то делали не так, как следовало, и на которые за это вот-вот нападут Михаил Данилович и знаменитость и заставят их исправиться».

II. Архисюжет пяти детских рассказов (ПР)

Настоящий раздел посвящен описанию главного компонента архиструктуры *ПП* – ее событийного архисюжета. Мы рассматриваем его на трех уровнях абстракции. На первом это один из архисюжетов, характерных для творчества Толстого в целом (п. II.1); на втором – архисюжет *ПП* в самых общих очертаниях (п. II.2); на третьем – архисюжет *ПП*, детализированный до пяти типовых составляющих – инвариантных сюжетно-тематических *блоков* (п. II.3).

1. Инвариантный архисюжет Толстого

Архисюжет (18), о котором здесь будет идти речь, выводится из центральной темы Толстого (1) и некоторых ее более конкретных разновидностей и производных (2) – (15). Он вбирает в себя мотивы (1) – (5), (8), (11), (14), (15), обрабатывая их с помощью ряда ПВ, применение которых естественно при построении эффектного сюжета⁸.

Главный принцип построения АС (18) – СОВМ всех трех ветвей исходной темы (1), т. е. мотивов (2), (3) и (4). Посмотрим сначала, как СОВМЕЩАЮТСЯ (2) и (3).

⁸ Что касается мотивов (6), (7), (9), то в интересующий нас архисюжет они не входят, хотя и участвуют в отдельных манифестирующих его сюжетах.

‘Непредвиденность переходов’ (2а) предрасполагает к применению ОТКАЗА, а ‘мощные силы, нешуточность’ (2б) – к изображению разного рода ‘катастроф и потрясений’. С другой стороны, естественно, чтобы ‘простые, минимальные ценности (жизнь, здоровье...)’ из (3) и (8) были как-то акцентированы, поскольку в повседневной обстановке они кажутся чем-то само собой разумеющимся. Для такого подчеркивания и используется ОТК, только что извлеченный нами из (2):

(16) значение простых ценностей уясняется на фоне или после ситуации их острой нехватки⁹; одновременно выясняется ложность искусственных, надуманных ценностей.

Далее, для КОНКР и УВЕЛ ‘нехватки’ часто привлекаются ‘катастрофа или потрясение’, тоже полученные из (2).

(17) значение простых (и ложность надуманных) ценностей уясняется на фоне или после катастрофы или потрясения, создающих их острую нехватку или грозящих их полным уничтожением.

Как (16), так и (17) СОВМЕЩАЮТ (2) и (3) и служат двумя разными вариантами промежуточного этапа на пути к АС (18).

Мотив (17) подробно проанализирован (на материале *ВМ*) С. Г. Бочаровым, который называет его «глубинной ситуацией» Толстого:

В испытаниях и драматических кризисах вдруг проясняются, отделяясь от запутанной сложности поглощающих человека обычно мнимоважных мотивов, простые настоящие ценности – молодость, здоровье, любовь, наслаждение от искусства, близость людей и радость общения.

(Бочаров 1971: 15)

Из этой же работы видно, что

ситуация (17) проводится в *ВМ* на разных уровнях и материале – через судьбу всей России и отдельных людей. Среди последних – Пьер (см. иллюстрации к (3)), Николай Ростов (которого проиграл в карты в соединении с пением Наташи заставляет осознать, что в жизни важно и что нет), князь Андрей (перед лицом смерти отказывающийся от условных понятий чести), Долохов (в обстановке московской трагедии становящийся выше светской ссоры с Пьером).

Мотивы (16) и (17) лежат и в основе ряда детских рассказов. Таковы три сюжета, где через нехватку / катастрофу, грозящую гибелью или голодом, заново оценивается и поэтизируется радость еды:

- пища для птенцов утрачивается и с трудом добывается вновь («Орел»);
- корова гибнет, дети страдают без молока, с трудом накапливаются деньги на новую корову, дети опять пьют молоко («Корова»);
- пережив грозу, мальчик с удовольствием ест грибы (*КМР*).

Следующий шаг вывода – СОВМЕЩЕНИЕ (16) и (17), результатом которого и будет общетолстовский архисюжет:

⁹ Нехватка некоторого объекта с последующей его выдачей описывается в *Жолковский, Щеглов 1974: 9–13* в терминах ПРЕП и ПРЕДВ.

(18) В ситуации острой нехватки или катастрофы, грозящей жизни и ее элементарным ценностям, обнаруживается, что к спасению ведут действия, кажущиеся нецелесообразными, но основанные на интуитивном постижении событий, соприкосновении с их глубинной сутью, открытии в себе ресурсов природных сил; действия, соотносящиеся с непредсказуемостью событий, имитирующие природу, полагающиеся на благость провидения, не останавливающиеся перед спуском до нуля. Напротив, к спасению не ведут действия, кажущиеся целесообразными, но основанные на рассудочном постижении событий, паллиативные, неглубинные, следующие жестким условным правилам и исходящие из предварительного вычисления всех возможностей. При этом открывается подлинность элементарных ценностей жизни и ложность надуманных.

Как можно видеть из (18), стержневым элементом в СОВМ (16) и (17) с (4) и (5) явилась ‘катастрофа’.

В дополнение к своей прежней функции – служить нехваткой элементарных ценностей, образующей ОТКАЗ к уяснению их значения, – катастрофа приобретает новые роли в сфере стратегии поведения. Она создает потребность в помощи (= нехватку помощи), исправлении положения и тем самым служит ПОДАЧЕЙ не только ценностей, но и действий, направленных на их восстановление.

Далее, катастрофа играет роль той диагностирующей ситуации, которая позволяет отличить правильное от неправильного (= КОНКРЕТИЗИРОВАТЬ контраст между ними): правильные действия помогают пережить катастрофу, неправильные не помогают.

Наконец, катастрофа хорошо СОГЛАСУЕТСЯ с таким характерным проявлением правильного поведения, как спуск до нуля, образуя вместе с ним конструкцию КОНТРтожд (контраст по ‘губительности/спасительности’; тождество по элементу ‘лишение, потеря’).

Благодаря всем этим связям ‘катастрофа’ в составе АС (18) становится поистине ключевым моментом рассказа, собирая в себе важнейшие свойства как в плане ценностей, так и в плане поведения и создавая образ ‘мощных сил природы, одновременно губительных и благотворных для человека’.

2. Архисюжет ПР: общие контуры

2.1. «Детский» и «взрослый» компоненты архисюжета ПР

Чтобы сформулировать АС пяти рассказов (формулу (22)), необходимо располагать темой этих рассказов ($\Theta^{\text{ПР}}_{\text{инв}}$, или просто $\Theta^{\text{ПР}}$). Как было сказано, она складывается из двух компонентов: инвариантного ($\Theta^{\text{ПР}}_{\text{к/инв}}$), т. е. общего для всех произведений Толстого, в том числе взрослых ($\Theta^{\text{Толст}}_{\text{инв}}$), и локального ($\Theta^{\text{ПР}}_{\text{к/лок}}$), то есть специфического именно для этих рассказов. Иными словами, $\Theta^{\text{ПР}} = \text{СОВМ } \Theta^{\text{ПР}}_{\text{к/инв}} \text{ и } \Theta^{\text{ПР}}_{\text{к/лок}}$.

Что же представляют собой инвариантный и локальный компоненты темы пяти рассказов?

Естественно согласиться, что в роли локального компонента темы пяти рассказов выступает тема, специфическая для всех детских рассказов Толстого (и инвариантная для них в отличие от других произведений Толстого). Она включает тематические элементы,

связанные как с задачами литературы для детей вообще, так и с особенностями педагогических воззрений Толстого:

(19) $\Theta^{PP}_{к/лок}$:

(а) дидактико-познавательная установка, сообщение практических сведений о мире, непосредственно окружающем ребенка;

(б) упрощенность психологических и социальных аспектов картины мира, светлый взгляд на жизнь¹⁰.

Что касается инвариантного компонента темы пяти рассказов, то он, естественно, восходит к центральной теме Толстого (1), так что в самом общем виде верно следующее:

(20) $\Theta^{PP} = \text{COBM} (1) \text{ и } (19)$.

Мы позволим себе ограничиться здесь этой абстрактной формулировкой темы пяти рассказов и не будем выписывать механическую сумму формул (1) и (19).

2.2. Выработка архисюжета ПР

Перейдем непосредственно к уровню архисюжета, развертывающего тему (20). На этом уровне ее инвариантный компонент (1) предстает уже развернутым в архисюжет (18). Соответственно, задача сводится к СОВМЕЩЕНИЮ общетолстовского архисюжета (18) с детским компонентом темы *ПП* (= (19)). Это СОВМ даст своеобразную «детскую редакцию» АС (18) – архисюжет (22), выписанный несколько ниже.

Несколько слов о его характерных тематических особенностях.

Во-первых, в (22) фактически не представлены ‘надуманные, искусственные ценности’, за которыми гоняются многие взрослые персонажи больших вещей Толстого (соответственно отсутствуют и откровенно отрицательные герои)¹¹.

Во-вторых, весь комплекс неправильного поведения дан смягченно и носит характер не сознательной программы, а простительных ошибок, по-человечески понятной инертности и рутинности мышления; в детских рассказах этот комплекс чаще всего выражается через мотив (14) ‘действие посредством слова’.

В-третьих, (22) исключает социальные конфликты и психологические тонкости, зато включает разнообразные явления природы (животных, стихии) и детского мира, а в качестве персонажей в (22) выступают простые люди и их дети¹².

Влияние локального детского компонента (19) подсказывает, помимо упомянутых содержательных поправок к (18), также ряд конструктивных уточнений.

В (18) правильные и неправильные действия еще не организованы во временную последовательность. Архисюжету (18) соответствовали бы, например, и такие реальные сюжеты, где те и другие действия совершались бы одновременно (разными персонажами)

¹⁰ В составе (19) общедетским может считаться компонент (б), а специфическим для Толстого – компонент (а), соответствующий его убеждению, что, во-первых, рассказ должен учить детей, а не просто развлекать их и, во-вторых, предметом изучения должны быть не глубокие тайны природы, а ее прикладные аспекты (см. *Эйхенбаум 1974*: 36–39).

¹¹ Возможно, это объясняется не только установкой на упрощение, но и характером аудитории толстовских «Азбук» (крестьянские дети), в которой Толстой не предполагал даже знакомства с фальшью.

¹² Использование животных, явлений природы и машин (поезда, корабля) реализует установки (19а, 19б) одновременно: с одной стороны, это традиционные предметы усвоения в детском возрасте, а с другой – устройства однозначного действия, свойства и ходы которых хорошо известны и в этом смысле отвечают требованию упрощенного изображения мира.

или где за спасительными правильными действиями следовали бы губительные неправильные. Однако фактически в рассказах «Азбуки» сюжеты упорядочены одним определенным образом:

Неправильным действиям отведена роль ОТК к правильным (ввиду контрастного отношения между ними именно по линии правильности) и одновременно ПРЕДВ (или ПРЕП) к ним (поскольку неправильные действия при спасении УВЕЛИЧИВАЮТ ситуацию нехватки правильных): лишь после и по причине неудачи неправильных действий персонажи переходят к правильным.

Такая конструкция – отказная, однолинейная, со счастливым концом – широко распространена в сюжетных повествованиях. В данном случае она особенно уместна, поскольку удачно СОВМЕЩАЕТ ряд элементов как локальной, так и инвариантной темы:

Однолинейность, т. е. отсутствие контрапункта между параллельно развертывающимися ложной и правильной версиями, является орудийной КОНКР ‘упрощенности’ из (19б)¹³.

Счастливым же конец, т. е. порядок ‘сначала неудачные, затем удачные действия’, вытекает из таких элементов темы (1), как ‘приятие жизни’ и ее ‘благотворность’, а также из ‘светлого взгляда на жизнь’ (19б).

Еще одно конструктивное решение, принимаемое при обработке формулы (18), – определение места ее последнего компонента (‘открывается подлинность элементарных ценностей...’) в линейной цепи событий. Наиболее естественны две позиции: начальная (обладание элементарными ценностями в роли ОТКАЗА к последующей катастрофе) и конечная (обладание *после* отказной катастрофы). При этом возможно как заполнение обеих позиций сразу, так и незаполненность ни одной из них. Выбор той или иной из этих возможностей и количественная весомость начального и конечного состояний в отдельном рассказе обусловлены тем, на какие тематические элементы в нем делается упор (на ценности, на стратегию поведения, на упрощенность...).

В *ПР* начальный эпизод обладания ценностями («пролог»), как правило, разработан достаточно подробно, а конечный («эпилог») хотя и представлен, но чаще всего сведен к минимуму¹⁴.

Итак, прежде чем быть включенным в (22), АС (18) дорабатывается по следующей конструктивной схеме:

(21) ситуация (18); сначала обладание элементарными ценностями, потом катастрофа; далее неправильные действия, затем – правильные, мотивированные провалом неправильных; в итоге – обладание прежними ценностями.

¹³ Отсутствие временных перестановок и параллельного действия типично для фольклора и древнего эпоса, в частности для Гомера, на которого сознательно ориентировался в этот период Толстой.

¹⁴ Пример существенно иного, нежели в *ПР*, конструктивного решения – *КМР*, где имеется достаточно разработанный эпилог (юмористическая бытовая сценка со сном на печи и жареными грибами), намечен и пролог (сбор грибов), но зато опущена линия неправильных действий и фактически вообще снята вся проблема стратегии поведения. В результате сохранен баланс упрощенности, типичный для «Азбуки» (рассказ занимает менее полустраницы). Что касается взрослых вещей, то примером высокой оценки элементарных ценностей – еды, питья и т. п. – после катастрофы может служить умунастроение Пьера после плена (*ВМ*, IV, 2, XII).

2.3. Общие контуры архисюжета ПР

Выпишем, в первом приближении, архисюжет пяти рассказов. Для наглядности в скобках указываются примеры реализации его звеньев АС в каждом из ПР.

(22) С героем детского плана (котенком, девочкой; двумя мальчиками; одним из двух товарищей; мальчиком) происходит следующее.

1. Герой беззаботно предается элементарным радостям жизни в контакте с природой или иными познавательно интересными и практически окружающими ребенка явлениями (прогулка в поле; сбор грибов; купанье в море; игры на палубе).

2. Затем он попадает в беду, связанную с кругом подобных же явлений (собаки, нападающие на котенка; поезд, наезжающий на девочку; нападение морского хищника – акулы – на купающихся детей; встреча с медведем в лесу; игра с ручным животным – обезьяной, увлекающим ребенка на опасную высоту).

3. Предпринимаются неудачные попытки справиться с бедой путем действий, неправильных в смысле (18), преимущественно слов (крики «Назад!», обращенные к собакам; советы старшей сестры девочке, оказавшейся на рельсах; указания, делаемые пловцам с корабля, а затем спуск лодки).

4. Неудача вынуждает обратиться к действиям, правильным в смысле (18), – интуитивным, глубинным и т. п., которые и приводят к спасению (мальчик закрывает котенка своим телом от собак; девочка ложится под поезд; артиллерист стреляет из пушки в акулу, рискуя попасть в мальчиков; человек притворяется мертвым и оказывается под медведем; отец, угрожая застрелить сына, заставляет его прыгнуть с мачты в воду).

5. Герои, избавившись от беды, вновь обладают простыми радостями жизни и заново оценивают их (мальчик дома заботится о котенке; грибы собраны, и сестры снова вместе; мальчики – опять на корабле; два товарища – вместе, в безопасности, располагают новым знанием о жизни; мальчик жив и снова на корабле).

3. Архисюжет ПР: инвариантные сюжетно-тематические блоки

Отрезки 1–5 в составе формулы (22) – это инвариантные *сюжетные блоки*, непосредственно развертывающие общую тему ПР. Присвоим этим «пяти актам» драмы условные названия: **Мирная Жизнь**, **Катастрофа**, **Неадекватная Деятельность**, **Спасительная Акция**, **Возвращенный Покой** и рассмотрим их по отдельности. Начнем со **Спасительной Акции** – центрального блока, образующего кульминацию архисюжета и являющегося основным средоточием положительной программы Толстого. Остальные блоки будут рассмотрены в порядке их следования.

3.1. Спасительная Акция

В тематическом плане **Спасительная Акция** есть развертывание следующих элементов: правильность и целесообразность неразумного поведения, глубинное, непосредственное соприкосновение с *носителем опасности*, действия на уровне сил природы и обнаружение в себе ресурсов таких сил; активное сопротивление или пассивное подчинение;

интуитивность, вынужденность, нерассудочность; доверие к провидению, спуск до нуля; воспроизведение методов самой природы.

В выразительном плане данный блок может рассматриваться как частный случай конструкции **ВНЕЗАПНЫЙ ПОВОРОТ**, которая состоит в том, что некоторому событию (здесь – спасению) предшествует развитие, делающее наступление данного события маловероятным (таковы неразумные меры спасения и стратегия спуска до нуля), причем это развитие и последующее событие связаны причинно-следственной связью (СОВМкауз).

В качестве параллели сошлемся на детективные новеллы (в частности, о Шерлоке Холмсе), в которых разгадка и спасение порой оказываются плодом странных и с виду несерьезных действий сыщика.

Посмотрим, как перечисленные выше тематические элементы, развертываясь и сочтясь в рамках ВН-ПОВ, воплощаются в характерных аспектах **Спасительной Акции**.

1) Заострение (УВЕЛ) контраста между финальным спасением и приводящими к нему неразумными действиями (включая спуск до нуля) выражается в том, что эти действия предстают не просто как бесполезные, но и как усугубляющие опасность. Эти действия могут быть либо пассивными, либо активными, и в обоих случаях может иметь место характерное отбрасывание остающихся у героя источников безопасности и спасения. Пассивный и активный варианты усугубления опасности могут представлять соответственно как

(23) бездействие, открывающее дорогу опасности: русские оставляют Москву (*ВМ*); котенок не бежит от собак (*К*); собачка, попав в клетку льва, ложится на спину («Лев и собачка»); человек, повстречавшийся с медведем, падает наземь (*ДТ*) и т. д.

(24) действия, добавляющие новую опасность: выстрел артиллериста, который может поразить мальчиков (*А*); прыжок с мачты в воду (можно разбиться или утонуть) (*П*); поступок женщины, бросающей детей под ноги слону («Слон»).

2) Тематические элементы ‘доверие к провидению’ и ‘спуск до нуля’ часто **КОНКРЕТИЗИРУЮТСЯ** через мотив (13) ‘занятие нижнего положения в распростертой позе’. Две основные реализации этого в детских рассказах – лежание на земле и падение.

Примеры: артиллерист, падающий на палубу после выстрела (*А*); девочка, ложащаяся под поезд (*ДТ*); мальчик, своим телом закрывающий котенка перед носом у собак (*К*); мальчик, падающий во время грозы на землю (*КМР*).

Мотив ‘нижнего положения, низа’, как правило, **СОВМЕЩАЕТСЯ** с усугублением опасности, а также с мотивом ‘непосредственное соприкосновение с носителем опасности’. В результате возникает характерная для детских рассказов

(25) позиция *под* носителем опасности: под поездом (*ДТ*), под медведем (*ДТ*), под собаками (*К*), под ногами слона («Слон»), под водой (*П*).

Регулярность этого СОВМ может создать впечатление, будто оно обязательно и само собой разумеется. Что это не так, видно из *А*, где

‘усугубление + соприкосновение’ дано отдельно от ‘доверия = низа’: артиллерист сначала стреляет, а затем падает на палубу, закрыв глаза руками; более того, доверие и даже низ отделены от *жертвы*, с которой они обычно связываются (падают не мальчики, которые в кульминации вообще не показаны, а артиллерист).

3) Вынужденность **Спасительной Акции** (см. формулу (15), восходящую к (6)) реализована прежде всего ее положением в сюжете – после блока **Неадекватная Деятельность**, когда все разумные меры спасения от гибели не дали результата. Иногда ситуация вынужденности дается впрямую: «делать ему было нечего – он упал наземь» (ДГ). **Спасительная Акция** обычно **СОВМЕЩАЕТ** вынужденность с тематическим элементом ‘интуитивность’, нерассудочность: акцентируется момент отсутствия размышлений и сознательного принятия решения со стороны героя, а также молниеносность его действий:

«...что-то ударило меня в голову. Я упал...» (КМР);

«Маленькая девочка [субъект **Спасительной Акции**] <...> ползала по дороге. Машинист не мог удержать машины. Она <...> наехала на девочку» (ДГ);

«Визг этот как будто разбудил артиллериста. Он сорвался с места и побежал к пушкам» (А);

«Он увидел сына на мачте и тотчас же прицелился в сына и закричал: – В воду!» (П).

Как видно из примеров, в ряде случаев вынужденность, нерассудочность выражается в том, что субъект **Спасительной Акции** действует бессознательно:

- таковы дети в ДГ и КМР;
- в А и П *Писатель*, являясь родственником *жертвы*, находится в состоянии аффекта.

Этот эмоциональный, нерассудочный характер действий *спасителя* оба раза **КОНКРЕТИЗИРОВАН** и в виде особого жеста:

- в А артиллерист падает на палубу и закрывает глаза рукой (налицо **СОВМ** отчаянного жеста с ‘занятием нижнего положения’);
- в П отец «вдруг закричал, как будто его что-то душило, и убежал к себе в каюту, чтоб никто не видал, как он плачет».

При этом в обоих случаях проявление аффекта происходит уже после **Спасительной Акции**:

- артиллерист сначала стреляет и лишь затем падает;
- капитан плачет, когда сын уже спасен.

Таким образом подчеркивается молниеносность, опережающая сознание (герой действует, еще не успев осознать и пережить).

С рассматриваемым комплексом нерассудочности связано, в частности, характерное различие между **Спасительной Акцией** у Толстого и Конан Дойла.

Действия Шерлока Холмса полностью рассудочны (это ученый), не продиктованы необходимостью, т. е. невынужденны (парадоксальность его решения является результатом его установки на оригинальность, а усугубление им опасности – результатом сознательного гамбита, рассчитанного на артистический эффект), и носят характер не заинтересованного участия в судьбе близкого человека, а, напротив, холодного профессионального обслуживания клиента.

4) Тематические элементы ‘действия на уровне сил природы’ и ‘методами самой природы’ проявляются в основном в трех планах.

Во-первых, это действия, по интенсивности, силе и скорости соразмерные с той природной опасностью, от которой надо спастись. Отказное подчеркивание этого достигается

с помощью **Неадекватной Деятельности**, которая оказывается в упомянутых отношениях не на уровне опасности. Прямая же КОНКР данного элемента состоит, например, в том, что,

- спасая котенка, мальчик бежит еще быстрее, чем собаки (*К*);
- артиллерист пускает в ход пушечное ядро, опережающее акулу (*А*);
- капитан принуждает мальчика к прыжку, угрожая ему опасностью не меньшей, чем опасность падения, а мальчик падает с мачты, «точно пушечное ядро» (соизмеримое, как мы видели, с природными явлениями (*П*))¹⁵.

Во-вторых, соизмеримость с природой состоит в том, что герой обнаруживает в себе душевные силы для героического поступка (4б').

Наконец, часто сам внешний рисунок совершаемого действия имитирует те или иные природные явления (4б''):

- девочка, собирая грибы, прижимается к земле под проходящим поездом (*ДГ*);
- мальчик в грозу падает на землю (*КМР*) – точно так же, как сгибается до земли камыш под ветром в басне «Камыш и маслина»;
- человек, притворяющийся мертвым при виде медведя (*ДТ*), действует так же, как некоторые представители животного мира (пауки, черепаха, богомол).

¹⁵ В этом месте сходство *П* и *А* особенно поразительно. Собственно говоря, выстрел в сына и полет ядра, которые в *А* совершаются реально и в виде единой акции, в *П* даны лишь ментально и притом раздельно: выстрел – как угроза, а падение ядра – как метафора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.